

СОМНИТЕЛЬНОЕ „УЧЕНОЕ“ ИЗДАНИЕ.

„Материалы“ г. Айвазова успѣли уже обратить на себя вниманіе критики. Два его сослуживца по Петроградской духовной Академіи, профессора С. М. Заринъ и о. В. Зыковъ, предупредительно поспѣшили отмѣтить это изданіе, какъ выдающееся явленіе въ наукѣ сектовѣдѣнія. Первый, называя трудъ г. Айвазова „грандіознымъ“ и „со всею рѣшительностью“ отмѣчая „большое самостоятельное значеніе“ изданія, цѣнность и важность его для сектовѣдѣнія, сравниваетъ „съ цѣнностью и важностью для расколовѣдѣнія „Материаловъ“ проф. Субботина“¹⁾. Второй также, считая работу г. Айвазова „колоссальной“ и имѣющей „строго-научный характеръ“, говоритъ о ней, какъ о „весьма крупномъ событіи въ исторіи сектовѣдѣнія“, и называетъ ее „приобрѣтеніемъ, весьма интереснымъ и цѣннымъ“²⁾.

Люди, мало свѣдущіе въ вопросахъ сектовѣдѣнія, на основаніи вышеуказанныхъ отзывовъ, естественно могутъ подумать, что трудъ г. Айвазова, дѣйствительно, представляетъ ученую работу первостепенной важности. Но такъ-ли это? Отрѣшимся отъ явнаго лицепріятія³⁾, съ которымъ написаны вышеуказанные обзоры, и попытаемся подойти къ „материаламъ“ г. Айвазова съ болѣе объективной стороны.

Добываніе и опубликованіе „материаловъ“ для изученія русскихъ мистическихъ сектъ, дѣйствительно, „является дѣломъ первѣйшей

1) См. *Христ. Чит.*, 1915 г. Декабрь.

2) См. *Богосл. Вѣстникъ*, 1916 г. Январь.

3) Въ отзывахъ ясно проглядываетъ не только это, но еще и плохая освѣдомленность авторовъ въ области сектовѣдѣнія, что и понятно, такъ какъ въ данномъ случаѣ и тотъ и другой собственно вторгаются въ чуждую имъ специальность. Болѣе остороженъ въ своихъ заключеніяхъ объ изданіи г. Айвазова свящ. Н. Фетисовъ (Гр. Кіевск. Дух. Академіи. 1916 г. кн. II—III).

важности¹⁾. Ихъ требуютъ какъ наука, такъ и жизнь, какъ теоретики, такъ и практическіе дѣятели. Но, какъ и „въ любой области человѣческаго знанія“, „матеріалы“ для сужденія и выводовъ бываютъ разнаго достоинства, такъ и въ наукѣ сектовѣдѣнія они неодинаково цѣнны для строго объективныхъ построений. Съ другой стороны, качество всякихъ „матеріаловъ“ въ немалой степени зависитъ также и отъ того, какъ они становятся достояніемъ широкаго пользованія. Такимъ образомъ, при сужденіи, что представляетъ собой всякое изданіе „матеріаловъ“, насколько оно важно и полезно для научныхъ изысканій, необходимо имѣть въ виду два основныхъ вопроса, именно: *каковы эти матеріалы по своему существу и въ какомъ видѣ они выпускаются въ свѣтъ?* Эти же вопросы прежде всего должны поставить и мы, обращаясь къ „матеріаламъ“ г. Айвазова.

Изданные г. Айвазовымъ „матеріалы“ могутъ быть подраздѣлены на два вида: одни изъ нихъ должны быть названы въ полномъ смыслѣ *первоисточниками*, такъ какъ въ нихъ заключаются *подлинныя свидѣтельства самихъ сектантовъ о себѣ*²⁾; другіе же содержатъ въ себѣ сужденія стороннихъ лицъ о нихъ, и, такимъ образомъ, являются уже документами *второстепенной* важности. Къ первымъ относятся всякаго рода собственныя литературныя произведенія сектантовъ, какъ-то: раз-

¹⁾ Мысль о важности и необходимости изданія „матеріаловъ“ по исторіи русскаго религіозно-мистическаго движенія высказывалась и высказывается изслѣдователями постоянно: г. Айвазовъ только повторяетъ ее. Не первый г. Айвазовъ приступаетъ и къ систематическому опубликованію ихъ: онъ дѣлаетъ то, чему начало положено очень давно; достаточно вспомнить хотя бы одного только *П. И. Мельникова*, издавашаго въ свое время обширныя „Матеріалы по исторіи хлыстовской и скопческой ересей“ (*Чтенія* 1872 г., кн. I—IV; 1873 г., кн. 1). Не новъ также источникъ, откуда г. Айвазовъ, главнымъ образомъ, черпаетъ свои „матеріалы“: къ судебнымъ дѣламъ обращались уже и такіе изслѣдователи, какъ *Реутскій*, *Мельниковъ* и др. Не оригиналенъ г. Айвазовъ и тогда, когда пользуется дѣлами по процессамъ, возникшимъ уже послѣ Судебной Реформы: въ данномъ случаѣ, онъ идетъ по пути, указанному *Д. Г. Коноваловымъ* (авторомъ изслѣдованія „Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектанствѣ“), у котораго, по нашему мнѣнію, позаимствовалъ и самую мысль объ изданіи „матеріаловъ“, заключающихся въ этихъ дѣлахъ. (Эту мысль г. Коноваловъ высказалъ въ предисловіи къ своей книгѣ, гдѣ, излагая планъ задуманнаго имъ изслѣдованія, говоритъ о своемъ намѣреніи дать полное *критическое* изданіе сектантскихъ духовныхъ стиховъ и напечатать обширныя рукописныя „матеріалы“, на основаніи которыхъ онъ велъ изслѣдованіе. Г. Коновалову, къ сожалѣнію, пока не удалось осуществить своихъ предположеній).

²⁾ Г. Айвазовъ не совсѣмъ правильно выражается, когда говоритъ, что эти „матеріалы“ носятъ въ себѣ печать подлиннаго, а не лицемѣрнаго свидѣтельства самихъ сектантовъ о себѣ. Противопоставлять слова *подлинный* и *не лицемѣрный* нельзя: *подлинному* противопоставляется *подложный*, а не *лицемѣрному*—*неискренній*. Авторъ, вообще не отличается точностью языка: *планъ* и *методъ*—у него одно и то же, *документировать* онъ, повидимому, смѣшиваетъ съ словомъ *цитировать* и пр.

сужденія, стихи, письма, посланія и пр., а также и собственноручно написанныя показанія ихъ судебнo-слѣдственной власти; ко вторымъ же принадлежать: канцелярскія отписки о сектантахъ, мнѣнія экспертовъ о нихъ, доклады и записки съ изложеніемъ ихъ вѣроученія и культовыхъ особенностей, и пр. Первые, конечно, безспорно имѣютъ самодовлѣющую научную цѣнность; значеніе же вторыхъ должно опредѣляться степенью ихъ соответствія основнымъ источникамъ. Иначе говоря, первые свидѣлствуютъ сами о себѣ, вторые же требуютъ тщательнаго изслѣдованія. Въ отношеніи къ первымъ нельзя собственно допускать *никакого выбора*, по отношенію же ко вторымъ примѣненіе *научнаго отбора* требуется, какъ непремѣнное условіе. Г. Айвазову чуждо такое разграниченіе архивнаго матеріала. У него все смѣшано въ одну общую массу. Наряду съ документами, дѣйствительно, первѣйшей важности, имъ помѣщаются „матеріалы“ въ высшей степени *сомнительные* по своей научной цѣнности. То, что, съ безусловной пользой для дѣла, могло бы быть совершенно выброшено, г. Айвазовымъ издается какъ нѣчто существенное для изслѣдованія христовщины. Такъ, на примѣръ, среди своихъ „матеріаловъ“ онъ приводитъ рапортъ священника Николая Вазерскаго преосвященному Іакову (Вечеркову), бывшему въ то время епископомъ Саратовскимъ. Въмѣстѣ съ рапортомъ напечатана и записка этого священника о хлыстахъ, въ которой содержатся слѣдующіе отдѣлы: *понятіе о хлыстахъ, мѣсто, видъ и обрядъ моленія ихъ, таинства, содержимыя ими, жизнь и другія обстоятельства хлыстовъ, происхожденіе секты*. Говоря о таинствахъ сектантовъ, о. Вазерскій очень много вниманія удѣляетъ вопросу о *способѣ и обрядѣ бракосочетанія у нихъ*¹⁾. Но кому

¹⁾ Вотъ какъ онъ описываетъ этотъ *способъ и обрядъ*: „Когда нужно выйти дѣвицъ въ замужество, то просятъ о семь Богородицу. Сія, повелѣвъ собраться великому множеству дѣвицъ, выходитъ съ ними вечеромъ поздно въ лѣсъ на извѣстное мѣсто или въ степь на возвышенный курганъ, становится ихъ вокругъ себя на колѣни, а сама, ставъ въ серединѣ ихъ, начинаетъ читать на извѣстномъ языкѣ молитвы, а дѣвицы пригѣваютъ, стоя на колѣняхъ, нѣкоторыя слова и продолжаютъ это до полночи лѣтней ночи. Въ самую же полночь дѣвицы встаютъ, а Богородица, нѣсколько времени что-то про себя прошептавъ, кричитъ: „*Отзовись, отзовись, другъ нашъ*“. Сказавъ сіе, умолкаетъ, а всѣ, оборотавъ къ полунощной стражѣ, слушаютъ и вдругъ слышатъ страшный, глухой голосъ, отвѣчающій: за какимъ невѣстѣ быть женихомъ, какъ его зовутъ, будетъ ли онъ богатъ или бѣденъ, но на то: долго-ли они проживутъ, будутъ-ли и сколько будутъ имѣть дѣтей, — отвѣта никогда не получали, хотя о семь и запрашивали. Выслушавъ отвѣтъ, тотчасъ расходятся по домамъ. Симвъ же порядкомъ совершается касательно жениха, съ тою только разницею, что ходитъ не Богородица, а Молеельщикъ и не съ дѣвицами, а съ холостыми мужчинами.

Узнавши, по возвѣщенію голоса, о женихѣ или невѣстѣ, Богородица того или другого увѣдомляетъ съ приказаніемъ: приготовившись ко вступленію въ бракъ, по имѣвшемуся

же неизвѣстно, что именно этого-то таинства и не признають послѣдователи христовщины. *Бракоборчество* съ самаго начала секты было основнымъ пунктомъ ученія „людей божіихъ“, и на всемъ протяженіи своей исторіи христовщина никогда не измѣняла этому догмату. Зачѣмъ же понадобились г. Айвазову подобнаго рода документы? Вѣдь, это дѣйствительно никому не нужный хламъ¹⁾. Присутствіе такихъ сомнительныхъ „матеріаловъ“ въ изданіи г. Айвазова безспорно понижаетъ степень общей научной цѣнности труда. Для науки сектовѣдѣнія, въ виду ея особаго положенія, необходимы *безспорные* документы. Все же то, что не имѣетъ такого характера, можетъ принести ей не пользу, а вредъ, ибо чрезъ то нерѣдко порождаются сплетни, а не достовѣрные факты.

Научное достоинство изданія г. Айвазова еще болѣе умаляется тѣмъ способомъ или методомъ, который употребляется имъ при опубли-

годосу, явиться въ назначенный для сего день, а Богомольцику повелѣваетъ повѣстить о семъ обществу; собравшееся общество, молясь, по сказанному о порядкѣ моленію, испрашиваетъ голоса: счастливы ли, или нѣтъ будутъ новобрачующіеся. При чемъ случается имъ, не получая долго отвѣта, хлыстаться разъ по двѣнадцати. Получивъ отвѣтъ изъ ямы-кладезя о счастливомъ или несчастливомъ житіи новобрачующихъ, оканчиваютъ моленіе, а Богородица приказываетъ чрезъ семнадцать дней собраться всему обществу, подобно годовому. Соедшисъ, молятся въ продолженіе цѣлой ночи, иногда двухъ или трехъ, ходя часто вокругъ чана, хлыщутъ себя лозами въ мочъ, приговаривая; „*позволишь ли обвѣнчаться, выди къ намъ, вынеси извѣстіе намъ*“. И въ какую-либо изъ сихъ ночей, но не иначе какъ въ полночь, дѣлается, подобно годовому моленію, надъ чаномъ туманъ и изъ онаго слышится какъ бы младенческій голосъ, говорящій; „*обвѣнчайтесь, сею вѣрою наслаждайтесь и не колебайтесь*“. По выслушаніи голоса, продолжаютъ моленіе до разсвѣта; на разсвѣтѣ Богородица садится впереди чана. Къ ней сидящей, подошедъ, женихъ и невѣста прикладываются къ коѣбну (цѣлуютъ), а она, взявъ обоихъ за головы, говоритъ: „*живите благополучно, вѣру нашу соблюдайте, и моленіе наше почитайте, а мы за васъ будемъ Богу молиться*“. Послѣ они подходятъ къ Молещцику; у сего цѣлуютъ лѣвую руку; онъ, сказавъ имъ одно съ Богородицей, беретъ обоихъ за руки и подведши невѣсту къ жениху, влагаетъ ея руку въ его, говоря: „*Вотъ тебѣ жена отъ нашего Бога дана, — любви да жсалуи*“. А ей: „*Вотъ тебѣ мужъ отъ матери нашей Богомольной данннй, — слушай его и почитай*“. Потомъ Богородица, взявъ за руки обоихъ, водить вокругъ чана, при чемъ собраніе также ходитъ вокругъ чана, а Богомольщикъ, позади, хлыщетъ лозою жениха и невѣсту, говоря: „*обратились, сочетались, по нашему Христа велнню, а отъ насъ гршннхъ моленію*“. Когда, такимъ образомъ, обведутъ ихъ кругомъ шесть разъ, то Богородица, обмѣнявъ имъ кольца, заставляеть лобызаться. Въ заключеніе оба, Богородица и Богомольщикъ дѣлають имъ увѣщанія, большею частью, слѣдующія: „*Живите въ миръ, не гршните, вѣру свою соблюдайте, и безъ вѣдома нашего никому ни подъ какими казнями оной не объясняйте, иначе да будете прокляты*“. Разошедшисъ по домамъ, отцы обвѣнчавшихся дѣлають пиръ о бракосочетаніи, упросивъ на оный Богородицу и Молещцика“ („Матеріалы“ Томъ 1-й, стр. 83—85).

¹⁾ Въ изданіи г. Айвазова можно указать еще нѣсколько случаевъ подобнаго же хлама; таковы, напримѣръ, записки о хлыстахъ извѣстнаго предсѣдателя комиссій о скопцахъ Лишранди и министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго и др.

кованія „матеріаловъ“. Г. Айвазовъ совершенно игнорируетъ требованія, обычно предъявляемыя ко всякому издателю историческихъ документовъ. Научное издание „матеріаловъ“ требуетъ надлежащей *оправы* для нихъ, дабы каждый документъ являлся въ соответствующей ему *научной рамкѣ*. Только при этомъ условіи должнымъ образомъ можетъ быть понятъ его настоящій смыслъ и значеніе, какъ историческаго источника; безъ этого же онъ рискуетъ обратиться въ простое *сырье*. Г. Айвазовъ печатаетъ свои „матеріалы“ безъ соблюденія этого элементарнаго требованія. Въ результатѣ получается впечатлѣніе, что онъ *понадѣрмалъ* изъ разныхъ источниковъ рядъ нужныхъ ему документовъ и преподнесъ это въ качествѣ ученаго изданія. Г. Айвазовъ беретъ какое-либо судебное сектантское дѣлопроизводство, выписываетъ изъ него отдѣльные документы и печатаетъ ихъ. Но почему онъ останавливаетъ свое вниманіе на одномъ документѣ этого дѣлопроизводства и пренебрегаетъ другими, почему иногда изъ всего дѣлопроизводства выписываетъ только одинъ какой-либо актъ, хотя бы это дѣлопроизводство и состояло изъ нѣсколькихъ томовъ—это остается секретомъ г. Айвазова. Почему, напр., изъ „Радаевского“ дѣла онъ не приводитъ показаній единомышленника Василя Максимовича, беретъ *второе* обвинительное посланіе Василя Радаева къ отцу своему духовному и оставляетъ совѣтъ *первое*; почему объ *аввакумовцахъ* или *копыловцахъ* онъ находитъ нужнымъ говорить только словами канцелярскихъ документовъ (Донесеніе Тамбовскаго Губернскаго Правленія Министру Внутреннихъ Дѣлъ, рапортъ ассесора Тамбовскаго Губернскаго Правленія Матвѣева Начальнику Тамбовской губерніи и Рапортъ младшаго чиновника особыхъ порученій Чихачева Тамбовскому губернатору), а не словами самихъ сектантовъ, тѣмъ болѣе, что, по его же собственному заявленію, въ этихъ официальныхъ бумагахъ можно найти лишь „приблизительную сводку свидѣтельскихъ показаній“, данныхъ на слѣдствіи, и пр., пр., пр... По отношенію къ каждой главѣ изданія можно поставить цѣлый рядъ вопросовъ, подобныхъ указаннымъ; и отвѣта на нихъ мы не найдемъ. Въ трудѣ г. Айвазова не видно опредѣленной системы, не видно опредѣленнаго плана, по которому онъ дѣлаетъ извлеченія изъ судебнослѣдственнаго матеріала. Всякій самый безпристрастный читатель всегда будетъ находиться подъ впечатлѣніемъ мысли, что издатель ведетъ какую-то *свою линію*, старается *подобрать* матеріалы для какихъ-то *своихъ цѣлей*. Мысль объ опредѣленной тенденціи ни на минуту не можетъ покинуть его. Этого могло бы и не быть, если бы г. Айвазовъ каждую главу изданія предварялъ необходимыми пояснительными замѣчаніями, въ которыхъ давалъ бы исчерпывающія объясненія, связанныя съ помѣщаемыми въ ней документами. При томъ же порядкѣ, котораго держится

г. Айвазовъ, серьезный читатель все время чувствуетъ себя неудовлетвореннымъ. Если онъ въ концѣ концовъ спроситъ себя, можно ли довѣриться изданію г. Айвазова, то безусловно самъ же дастъ себѣ отрицательный отвѣтъ, ибо у него нѣтъ увѣренности, что г. Айвазовъ извлекъ изъ дѣла все, что необходимо для характеристики даннаго сектантскаго направленія. Предпринятое г. Айвазовымъ изданіе „матеріаловъ“ нужно бы было вести иначе. Ему надлежало, собственно говоря, издавать не отрывки изъ дѣлъ, а цѣлыя дѣла. Тогда бы еще можно было говорить о научной важности изданія. Въ теперешнемъ же видѣ изданіе г. Айвазова въ существѣ дѣла имѣетъ весьма сомнительную научную цѣнность. Миссіонеры, можетъ быть, и будутъ пользоваться имъ для своихъ практическихъ цѣлей, но ни одинъ серьезный изслѣдователь въ своихъ изысканіяхъ никогда не рискнетъ довѣриться „матеріаламъ“ Айвазова. Не должна довѣряться имъ и серьезная судебная экспертиза.

Не такъ думаетъ о своемъ трудѣ самъ г. Айвазовъ. По его мнѣнію, „матеріалы“ имѣютъ „огромное не только научное, но и практическое—церковное и государственное—значеніе“. Такое самообольщеніе г. Айвазова обусловливается его своеобразнымъ и притомъ неправильнымъ взглядомъ на характеръ строго-научнаго изданія „матеріаловъ“. По этому поводу онъ разсуждаетъ такимъ образомъ: „Нашему изданію „матеріаловъ“ мы даемъ *строго-научный характеръ*, да, по нашему глубокому убѣжденію, и единственно цѣлесообразный для изслѣдованія по нимъ русскихъ мистическихъ сектъ. Въ этомъ своемъ стремленіи, мы прежде всего тщательно старались сохранить полноту и неповрежденность, или точность печатаемыхъ матеріаловъ. Мы ставили себя въ роль *фотографовъ* ихъ. Мы не допускали никакихъ уклоненій отъ подлинныхъ документовъ, сохраняя даже орфографію и пунктуацию ихъ, такъ какъ и послѣдняго рода правки могутъ существенно повредить смыслъ документовъ. Мы не допускали отъ себя нигдѣ ни сокращеній, ни добавленій, ни, наконецъ, истолкованій или поясненій, претендующихъ на то или иное пониманіе документовъ, *такъ какъ послѣдняго рода работа входитъ уже въ задачу изслѣдованія русскихъ мистическихъ сектъ, а не изданія матеріаловъ о нихъ*. Здѣсь же такая работа можетъ даже повредить достоинству самихъ матеріаловъ, внося сторонній для нихъ элементъ. Мы, затѣмъ, тщательно старались *документировать* происхожденіе матеріаловъ, ихъ принадлежность и подлинность. Все это нами исполнено въ подстрочныхъ указаніяхъ“. Такъ смотритъ г. Айвазовъ на свои задачи, какъ издателя „матеріаловъ“. Мы искренно изумляемся такому упрощенному пониманію требованій строго-научнаго изданія. По представленію г. Айвазова, *ученый издатель* архивныхъ матеріаловъ и *фотографъ*—суть понятія

однозначія. Стоитъ сохранить всю безграмотность стараго документа, и изданіе его выйдетъ строго-научнымъ. Строгая научность изданія памятника заключается, главнымъ образомъ, не въ этомъ; она состоитъ въ приданіи изданію архивнаго документа такого вида или состоянія, при которомъ получали бы исчерпывающее разрѣшеніе всѣ вопросы, возникающіе при его чтеніи. Строго-научный характеръ изданія не только не исключаетъ, но, наоборотъ, требуетъ многого изъ того, отъ чего такъ открещивается г. Айвазовъ. Развѣ „правка“ документа, по правиламъ установленнымъ и принятымъ, или поясненія къ нему не входятъ въ задачу ученаго изданія? Напрасно г. Айвазовъ относитъ это къ изслѣдовательной части предпринятой имъ работы: въ ученомъ изслѣдованіи должны быть свои самостоятельныя задачи, особыя отъ задачъ ученаго изданія матеріаловъ, на коихъ оно будетъ покоиться. Г. Айвазовъ можетъ не соглашаться съ нами. Но пусть онъ возьметъ и просмотритъ существующія изданія архивныхъ документовъ, которыя могутъ быть приняты, если не за образецъ, то за руководство, и онъ увидитъ, что такъ рассуждать, какъ онъ рассуждаетъ, ему, какъ издателю, безусловно нельзя.

Да и самъ г. Айвазовъ иногда отступаетъ отъ принятаго имъ порядка, очевидно, чувствуя, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ безъ известной „правки“ издавать документы нельзя. Вотъ, напримѣръ, въ главѣ о *посльниченковцахъ* онъ весьма часто исправляетъ въ своихъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ показанія Федора Кирилловича Посльниченко. Послѣдній, напримѣръ, показывалъ, что онъ въ церкви не вѣнчался; г. Айвазовъ по этому поводу дѣлаетъ примѣчаніе: „Оказалось же, что вѣнчался и имѣлъ отъ законной жены дѣтей“. Обвиняемый говорилъ, что онъ имѣлъ духовную жену, съ которой прижилъ дочь; г. Айвазовъ замѣчаетъ: „Оказалось же, что дочь Евдокія была пріемной“ и т. п. Или, напр., въ главѣ о *старуковцахъ* г. Айвазовъ даетъ любопытную справку, что повѣсть о Нянѣ, которая приводится въ письмѣ сектанта, какъ откровеніе, есть ничто иное, какъ выдержка изъ романа Всев. Соловьева: „Старый домъ“. Или еще: въ главѣ объ *еленушковцахъ* онъ дѣлаетъ цѣлую справку объ иконѣ Души Чистой¹⁾. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ онъ корректируетъ даже и текстъ документа²⁾. Но все это дѣлается г. Айвазовымъ какъ-то отрывочно и урывками, многое изъ того, что требуетъ поясненій, оговорокъ, исправленій, имъ пропущено совсѣмъ.

¹⁾ При чемъ И. Е. Забѣлина онъ почему-то величаетъ профессоромъ.

²⁾ Напримѣръ, въ главѣ о *михмановцахъ* онъ исправляетъ ошибку Прав. Сената, который дѣло о хлыстахъ-палапутахъ 8 іюня 1892 года называлъ дѣломъ о хлыстахъ Екатеринбургскихъ вмѣсто Екатеринбургскихъ.

Приведенное разсужденіе г. Айвазова представляет собой довольно наглядное доказательство того, что онъ плохо подготовленъ къ роли издателя архивныхъ матеріаловъ, что онъ не понимаетъ своихъ задачъ и только портитъ, дѣйствительно, хорошее дѣло.

Г. Айвазовъ въ особую заслугу себѣ ставитъ точность изданія, называя себя только *фотографомъ*. Мы смѣемъ утверждать, что г. Айвазовъ *фотографъ плохой*. Вотъ, напр., какъ издано имъ показаніе Радаева 27 мая 1850 г.

Въ подлинникъ.

На исповѣди и у Св. Прпчастія
ежегодно бываю

подъ судомъ же ни за что не
находился

Сначала я сомнѣвался въ томъ,
что не ошибочно ли думаю
молившись цѣлую недѣлю
что противился Духу
туда перетаскалъ и книги свои
по воли своей уже во мнѣ не
было

и началъ опять гонять и водить
меня духомъ

во всякихъ вещахъ

У Ивана Васильева, села жъ
Волчичихи, Удѣльнаго Вѣдомства,
была сестра, которая, собираясь
въ путь, пришла къ нему простить-
ся

и дорогой умерла.

Все это предсказывалъ я

Духа Святаго

я въ другой разъ пришелъ и
сталъ перебирать лучины въ рукахъ

Иванъ Васильевъ

и всякій разъ

На Ваду хворала женщина, ее
зовутъ Настасья Пашкова

Когда же я вдохновлялся,

она, Устинья, имѣла вражду

У г. Айвазова.

На исповѣди и у Св. Прпчастія
бываю ежегодно.

Этой фразы нѣтъ совсѣмъ.

Сначала сомнѣвался въ томъ, не
ошибочно ли думаю

молясь цѣлую недѣлю

что противишься Духу

куда перетаскалъ и книги свои
но воли своей во мнѣ уже не
было

и началъ опять водить и гонять
меня духомъ

во всѣхъ вещахъ

Ивана Васильева, крестьянина
села Волчихи, сестра, собравшись
въ путь, пришла къ нему простить-
ся

И на дорогѣ умерла

Все это предсказалъ я

Духа Божія

въ другой разъ я пришелъ и
сталъ требовать лучины въ руки

Иванъ Васильевичъ

и каждый разъ

Хворала женщина Настасья Па-
кова

Когда же я вдохновляемъ

она имѣла вражду

сестра же жены брата моего жала
въ это время

была мнѣ непріятна

Объ Иркутскомъ же Искупителѣ
и Большомъ Успенскомъ колоколѣ

Федоръ Павловъ

Аграфену Зюзинскую

сожитіе имѣлъ

дѣлалъ это по внушенію Духа
Божія

а по прочтеніи записаннаго по-
казанія еще дополнилъ

съ давнихъ лѣтъ пристрастенъ
къ чтенію священныхъ книгъ

По окончаніи означеннаго допро-
са крестьянинъ Василій Максимовъ
въ дополненіе показалъ, что сверхъ
обнаруженныхъ имъ въ томъ допро-
сѣ ходившихъ къ нему слушать
его ученіе людей, были еще, какъ
теперь припомнить, *двѣ деревни
Вторусской: Марфа Θεодорова и
Авдотья Абрамова, съ коими тоже
не по своей воли, а по внушенію
духа божія имѣлъ прелюбодѣльную
связь; а прежде объ нихъ не пока-
залъ по запомнанію; тетрадей
же его собственнаго писанія въ
раздачѣ было, какъ припомина-
еть, 4, именно: разныя назиданія
духовныя, слово о истинномъ пути,
слово зѣло полезное, и о Іисусовой
молитвѣ; но у кого онѣ изъ его
товарищей находятся, припомнить
не можетъ.*

Не будемъ утомлять читателя сличеніемъ другихъ „матеріаловъ“
г. Айвазова съ ихъ подлинниками. Замѣтимъ только, что подобныхъ
неисправностей не мало можно встрѣтить на многихъ страницахъ из-
данія.

сестра же жены брата моего шла
въ это время

была непріятна

Объ Крїушинскомъ же Искупи-
телѣ и о Московскомъ Успенскомъ
колоколѣ

Федоръ Ивановъ

Аграфену Зазнаемую

соитіе имѣлъ

желалъ это по внушенію Духа
Божія

а по прочтеніи еще дополнилъ

съ давнихъ лѣтъ приуровненъ
къ чтенію священныхъ книгъ

*Изъ всего абзаца въ подстрочномъ
примѣчаніи приведены только кур-
сивныя слова.*

Г. Айвазовъ, повидимому, придаетъ также большое значеніе и своимъ подстрочнымъ примѣчаніямъ, гдѣ онъ „документируетъ происхожденіе „матеріаловъ“, ихъ принадлежность и подлинность“. Г. Айвазовъ только громко выражается. Въ дѣйствительности, это не документировка, ибо въ ней, въ громадной массѣ случаевъ, для г. Айвазова не было даже и нужды; это—простая цитация или указаніе источника, откуда взяты издаваемые отрывки документовъ. Цитируетъ г. Айвазовъ исправно. Но попробуйте провѣрить его; попробуйте отыскать судебныя дѣла, откуда онъ извлекаетъ свои „матеріалы“. Съ увѣренностью можно сказать, что на это потребуется громадная затрата времени и труда, хотя въ дѣйствительности достать ихъ очень легко. Г. Айвазовъ почему-то упорно не желаетъ называть учрежденія, гдѣ въ настоящее время сосредоточиваются всѣ сектанскія дѣла, именно: Московскаго Архива Мин-ва Юстиціи, а все время отсылаетъ читателя въ мѣста ихъ первоначальнаго происхожденія. Не дѣлаетъ-ли это г. Айвазовъ сознательно? Нѣтъ-ли здѣсь скрытаго умысла показать, какихъ трудовъ стоило ему добываніе сектантскихъ „матеріаловъ“, якобы разбросанныхъ по разнымъ отдаленнымъ угламъ Россіи? Г. Айвазовъ не станетъ, конечно, отрицать того, что теперешнее мѣстонахожденіе сектантскихъ дѣлъ ему хорошо известно, ибо со многими изъ нихъ онъ познакомился именно въ Архивѣ Юстиціи¹⁾).

Вмѣстѣ съ непониманіемъ задачъ строго-научнаго изданія „матеріаловъ“, г. Айвазовъ обнаруживаетъ еще и свою недостаточную осѣдленность въ исторіи христовѣщіяны. „Наши мистическія секты,—говоритъ онъ,—явленіе не случайное, не мимолетное и не текущаго дня. Онѣ уходятъ своими корнями въ глубь прошлыхъ вѣковъ. Вѣками онѣ слагались, вѣками ширились, вѣками дробились... Словомъ, прежде, чѣмъ жить *нынѣ*, онѣ уже жили *прежде*. Прежде чѣмъ мыслить и вѣровать *нынѣ*, онѣ мыслили и вѣровали прежде; изъ своего прежняго онѣ почерпаютъ свое настоящее; на длинномъ историческомъ пути своего существованія у насъ онѣ видоизмѣнялись, дробились, сплочивались, снова дробились и т. д... Отсюда понятно, что и самое распредѣленіе нашихъ „Матеріаловъ“ должно носить на себѣ печать преемственности

¹⁾ По отношенію къ Архиву Юстиціи г. Айвазовъ вообще держится какъ-то странно. Какъ записавшійся въ Архивѣ, онъ обязанъ былъ прислать въ его бібліотеку свое изданіе. Это требовалось не только простое вѣжливостью, но и прямыми правилами Архива, которыя своевременно были предъявлены ему въ моментъ подачи имъ прошенія о допущеніи къ занятіямъ. Спустя нѣкоторое время послѣ появленія публикаціи о выходѣ въ свѣтъ изданія, Архивъ счелъ нужнымъ напомнить г. Айвазову о его обязанности. Но г. Айвазовъ остался вѣрнымъ себѣ и на этотъ разъ. Ужъ не боялся ли г. Айвазовъ того, что въ Архивѣ могутъ по настоящему провѣрить его.....

время, со всеми атрибутами каждого периода“. Невольный трепет испытываешь, когда читаешь эти напыщенные слова г. Айвазова. Судя по нимъ, естественно ожидаешь, что въ своихъ „материалахъ“ г. Айвазовъ развернетъ величественную картину всей прошлой жизни секты, прослѣдитъ исторію ея на протяженіи почти трехвѣкового періода времени. Но эти ожиданія не сбываются. Обращаясь къ самымъ „материаламъ“, мы видимъ совсѣмъ другую картину. Исторія секты представлена здѣсь большими скачками. Ни о какой даже и приблизительно правильной преемственности времянь говорить не приходится. Секта началась, какъ предполагаютъ, въ первой половинѣ 17 вѣка, а первый документъ, издаваемый г. Айвазовымъ, относится къ половинѣ 18 столѣтія. Но, можетъ быть, г. Айвазовъ здѣсь не виноватъ, такъ какъ время не сохранило намъ никакихъ матеріаловъ изъ этого періода исторіи секты? Нѣтъ, данныя, касающіяся древнѣйшаго періода исторіи христовщины, имѣются. Ихъ нужно было только поискать¹⁾... Начавши свое изданіе документомъ половины 18 вѣка, г. Айвазовъ сразу же переходитъ къ первой половинѣ 19 столѣтія. Опять пробѣлъ чуть не въ цѣлое столѣтіе. Вторая половина 18 вѣка и первая четверть 19 столѣтія въ исторіи христовщины для г. Айвазова, какъ будто бы не существуютъ. Если по отношенію къ древнему періоду христовщины для г. Айвазова еще возможны были какія-либо оправданія, то здѣсь никакихъ оправданій для него быть не должно. Отъ этого именно періода христовщины сохранилась громадная масса архивнаго матеріала, который г. Айвазовъ могъ черпать полной рукой, если бы только захотѣлъ. Тѣмъ болѣе, что такая работа не представляла для него собственно никакой трудности, такъ какъ архивы, въ которыхъ хранятся указанные матеріалы, находятся у него почти подъ бокомъ, въ томъ же Петроградѣ, гдѣ онъ имѣетъ постоянную осѣдность. Эта архивная масса документовъ могла бы быть особенно интересна и полезна для г. Айвазова, какъ для историка секты. Въ ней онъ нашелъ бы очень много данныхъ, совершенно неизвѣстныхъ еще въ наукѣ, для того, чтобы наглядно показать, какъ быстро шло развитіе внутренняго содержанія секты, какія измѣненія она испытывала, наприм., въ сопрікосновеніи

¹⁾ Укажемъ хотя-бы на слѣдующій примѣръ. До насъ сохранилось цѣлое дѣлопроизводство Углицкой Провинціальной Канцеляріи о послѣдователяхъ христовщины, пойманныхъ въ Углицкомъ уѣздѣ архимандритомъ Андроникомъ въ 1717 году. Это дѣлопроизводство заключаетъ въ себѣ *первое* разслѣдованіе о „людяхъ божіихъ“ или, какъ они назывались тогда, „квакерахъ“. Въ немъ содержится очень много важныхъ и цѣнныхъ свѣдѣній, относящихся именно къ раннѣйшей исторіи христовщины. „Дѣлопроизводство“ хранится въ Архивѣ Св. Синода, гдѣ оно вшито въ дѣло о квакерахъ 1733 года. Отъ вниманія г. Айвазова это дѣлопроизводство ускользнуло совсѣмъ. См. ниже *Приложеніе*.

съ духоборствомъ и съ интеллигентнымъ мистицизмомъ Александровской эпохи, въ какія отношенія она стала къ возникшему въ ея нѣдрахъ скопчеству, какъ постепенно нарождались въ ней тѣ черты, съ которыми мы встрѣчаемся въ послѣдствіи въ „радаевщинѣ“, черты, существеннымъ образомъ видоизмѣняющія общій обликъ христовщины, и пр. Г. Айвазовъ, собственно говоря, имѣеть дѣло съ „матеріалами“ позднѣйшаго происхожденія, заключающимися въ судебныхъ дѣлахъ о сектантахъ. Эту область ему надлежало бы отграничить опредѣленнѣй и поставить для себя болѣе узкія задачи. Для дѣла это было бы полезнѣй, а для него правдивѣй.

Какъ историкъ секты, г. Айвазовъ не только обнаруживаетъ плохую освѣдомленность, но допускаетъ еще такія сужденія, которыя, по меньшей мѣрѣ, должны быть признаны странными. Это особенно выразительно сказывается у г. Айвазова тамъ, гдѣ онъ говоритъ о *періодахъ* въ исторіи христовщины. Г. Айвазовъ пишетъ буквально слѣдующее: „Матеріалы наши должны быть издаваемы методомъ историческимъ или хронологическимъ, при чемъ каждый періодъ мы старались обозначить именемъ вождей секты, что сразу вскрываетъ какъ ея сплоченность, такъ равно и дробленность, и что вполне соответствуетъ принятому у сектантовъ порядку“. Итакъ, что ни вождь, то періодъ сектанской исторіи. У г. Айвазова сообщаются матеріалы болѣе, чѣмъ о тридцати вождахъ христовщины, изъ нихъ болѣе 25 жили и дѣйствовали на протяженіи 19 столѣтія. Слѣдовательно, исторія христовщины одного только 19 вѣка, по представленію г. Айвазова, имѣеть болѣе 25 періодовъ. По мысли г. Айвазова, на одномъ и томъ же пространствѣ времени, одновременно, могутъ быть, напр., четыре періода. *Данило-филитовцы, скопкинцы, улаевцы и радаевцы* почти одновременно жили въ первой половинѣ 19 вѣка. Неужели они обозначаютъ отдѣльные періоды? Г. Айвазовъ упорно не понимаетъ, что имена вождей въ данномъ случаѣ могутъ обозначать лишь отдѣльныя *теченія* въ христовщинѣ, но никакъ не отдѣльные *періоды* ея исторіи.

Странность въ сужденіяхъ соединяется у г. Айвазова съ чрезвычайной самоувѣренностью. „Однимъ изъ главнѣйшихъ признаковъ научнаго достоинства матеріаловъ,—говоритъ онъ,—является ихъ новизна, или неизвѣстность въ литературѣ. И этимъ признакомъ запечатлѣны наши „матеріалы“ полностью“. Г. Айвазовъ заблуждается. Его „матеріалы“ не имѣють, конечно, характера абсолютной новизны; да и относительная ихъ новизна должна быть принимаема съ большими оговорками. Нѣкоторые изъ издаваемыхъ имъ „матеріаловъ“ были напечатаны другими лицами ранѣе г. Айвазова, и это почему-то осталось неизвѣст-

нымъ ему¹⁾. Иные были уже настолько основательно использованы въ ученой литературѣ, что воспроизведеніе ихъ въ полномъ видѣ не представляетъ собственно большого интереса. Есть въ его изданіи и такіе „матеріалы“, которые печатаются имъ лишь для того, чтобы подвести къ нимъ варианты другихъ списковъ, уже опубликованныхъ. Для специалистовъ въ изданіи г. Айвазова собственно нѣтъ совсѣмъ неизвѣстныхъ матеріаловъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно просто перелистать книгу Д. Г. Коновалова: „Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектанствѣ“. Здѣсь въ многочисленныхъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ весьма часто можно встрѣтить не только цитаты, но и выдержки изъ тѣхъ судебныхъ дѣлъ, откуда извлекаетъ свои матеріалы г. Айвазовъ. Какъ же послѣ этого г. Айвазову можно говорить о *полной* новизнѣ издаваемыхъ имъ „матеріаловъ“. Г. Айвазову слѣдовало бы быть скромнѣй въ оцѣнкѣ собственнаго труда²⁾.

Одинъ изъ рецензентовъ г. Айвазова особенно цѣнной частью „матеріаловъ“ считаетъ *алфавитные указатели*, приложенные къ каждому тому изданія. Большую важность придаетъ имъ и самъ г. Айвазовъ. Алфавитный указатель стиховъ—дѣйствительно былъ бы остроумнымъ и полезнымъ изобрѣтеніемъ г. Айвазова, если бы намъ не было извѣстно, что еще въ 1909 г. г. Влад. Бончъ-Бруевичъ опубликовалъ впервые именно такой алфавитный указатель *духоборческихъ „вопросовъ и отвѣтовъ“, псалмовъ, стихковъ и пр.*, въ его второмъ выпускѣ „Матеріаловъ къ исторіи и изученію русскаго сектанства и раскола“, гдѣ напечатана „Животная книга“ духоборцевъ. Такой же алфавитный указатель духовныхъ стиховъ мы находимъ у него же въ IV в. „Матеріаловъ“, посвященномъ „Новому Израилю“ и вышедшему уже въ 1911 г. Такъ что и здѣсь г. Айвазовъ отнюдь не оригиналенъ.

Другой указатель, по нашему мнѣнію, долженъ бы быть составленъ иначе. Въ немъ содержатся указанія *собственныхъ именъ и фамилій, названій мѣстностей, учреждений, рукописей, книгъ* и проч., проч., проч..., Г. Айвазовъ, такимъ образомъ, въ одинъ указатель помѣщаетъ,

¹⁾ На это болѣе подробно указываетъ въ своемъ отзывѣ и свѣш. Н. Фетисовъ.

²⁾ Любопытно отмѣтить слѣдующее несомнѣнное, но тщательно скрываемое г. Айвазовымъ, явленіе. Просматривая изданіе г. Айвазова, все время чувствуешь, что издатель связанъ какими-то внутренними нитями съ г. Коноваловымъ. Онъ, повидному, неуклонно идетъ по слѣдамъ послѣдняго. Изъ огромной массы судебныхъ дѣлъ останавливаетъ свое вниманіе, главнымъ образомъ, на тѣхъ, которыми пользовался и г. Коноваловъ; въ самыхъ дѣлахъ нерѣдко выбираетъ документы, которые были предметомъ особеннаго вниманія и автора „Религіознаго экстаза“. Какъ будто какая-то невидимая сила влечетъ г. Айвазова къ г. Коновалову. И тѣмъ не менѣе, онъ нигдѣ ни разу даже и не упоминаетъ имени своего „путеводителя“.

по крайней мѣрѣ, три. Хотя такіе указатели встрѣчаются, но смѣемъ думать, что особеннаго удобства въ этомъ нѣтъ,—и было бы лучше ихъ разбить на отдѣльные указатели.

Въ заключеніе намъ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ по поводу тѣхъ трудностей, которыя пришлось испытывать г. Айвазову при добываніи „матеріаловъ“ и на которыя онъ указываетъ съ явною цѣлью увеличить цѣнность своего труда. „Добываніе матеріаловъ,—говоритъ онъ,—было предметомъ нашихъ болѣе чѣмъ пятнадцатилѣтнихъ усилій, при благопріятно сложившихся обстоятельствахъ нашего служенія Церкви въ званіи миссіонера съ 1899 года, въ епархіяхъ: Тамбовской, Екатеринославской, Харьковской, Московской и Петроградской,—а съ 18 октября 1912 г. и въ званіи преподавателя по кафедрѣ исторіи и обличенія русскаго сектантства—сперва въ Московской Духовной Академіи, а затѣмъ въ Петроградской. Впрочемъ одно служебное положеніе наше еще не давало намъ полной возможности добыть печатаемые нами „матеріалы“. Приходилось и по личному побужденію много разъѣзжать по Россіи, рыться въ разныхъ архивахъ, книгохранилищахъ и пр., входить въ непосредственныя сношенія съ сектантами и другими полезными для нашей цѣли лицами. Также приходилось вести весьма сложныя и длительныя сношенія съ разными официальными учрежденіями и лицами по вопросамъ нашего изданія. Требовалось повсюду: „терпѣніе и трудъ“... Все это словоизліаніе характерно для г. Айвазова. Повидимому, онъ склоненъ думать, что изданіе можно было выпустить безъ труда. Дѣло, собственно, не въ *трудѣ*, а въ *трудностяхъ*, или, вѣрнѣе, въ *препятствіяхъ*, которыя приходится преодолевать всякому автору и всякому издателю. Вотъ что, безусловно, повышаетъ цѣнность работы. А въ этомъ отношеніи г. Айвазовъ все время находился въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ. Рѣдкому изслѣдователю удавалось работать съ такими удобствами, какія предупредительно предоставлялись г. Айвазову различными официальными учрежденіями и лицами. Для лицъ и учреждений духовнаго вѣдомства эта предупредительность была обязательна, разъ дѣло касалось такой „почтенной“ въ вѣдомствѣ персоны, какъ г. Айвазовъ. На учрежденія же другихъ вѣдомствъ онъ предпочиталъ оказывать давленіе чрезъ духовную власть, которая никогда не могла и подумать объ отказѣ г. Айвазову. Въ пользованіи послѣднимъ средствомъ г. Айвазовъ доходилъ иногда до крайнихъ предѣловъ. Вотъ одинъ, лично намъ извѣстный, случай. Въ іюль мѣсяцѣ 1914 года Совѣтъ Петроградской Духовной Академіи, по ходатайству г. Айвазова, обратился въ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи съ просьбой выслать для него цѣлый рядъ (числомъ 12) сектантскихъ дѣлъ. Архивъ отвѣтилъ, что исполнить

просьбы Совѣта Академіи онъ не можетъ, такъ какъ не имѣетъ законныхъ основаній для этого, но что г. Айвазовъ можетъ изучать эти дѣла въ самомъ Архивѣ, хотя они и отнесены, по распоряженію г. министра, къ разряду секретныхъ, т. е. неподлежащихъ выдачѣ стороннимъ лицамъ. Эти соображенія Архива не остановили г. Айвазова, и онъ вошелъ съ ходатайствомъ по тому же предмету къ бывшему тогда оберъ-прокурору Синода В. К. Саблеру. Послѣдній по сему случаю отнесся къ Товарищу Министра Юстиціи особымъ письмомъ, которое вслѣдъ за тѣмъ было препровождено въ Архивъ. Тогда Архиву пришлось подробно выяснить невозможность удовлетворенія просьбы г. Айвазова. Въ своемъ отвѣтѣ Архивъ все-таки счелъ нужнымъ добавить, что онъ, въ цѣляхъ оказанія полнаго содѣйствія ученымъ трудамъ г. Айвазова, охотно предоставитъ ему возможность заниматься сектантскими дѣлами даже во внѣ служебное время. Г. Айвазовъ успокоился, но не спѣшилъ пользоваться общанными ему льготами. Въ Архивъ онъ явился спустя довольно много времени. Здѣсь онъ прежде всего постарался о томъ, чтобы ему было предоставлено право заниматься не въ общемъ залѣ, гдѣ работаютъ всѣ остальные посѣтители, а въ канцеляріи, гдѣ, конечно, для него было удобнѣе. Сюда ему приносили цѣлые короба съ дѣлами, и онъ рылся въ нихъ никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемый. Въ общемъ же залѣ сидѣлъ его письмоводитель и снималъ, по его указанію, нужныя для него копіи. Такъ занимался г. Айвазовъ въ учрежденіи, для котораго онъ не представлялъ собой никакой „величины“. Легко вообразить, какимъ комфортомъ обставлена была его работа въ учрежденіи духовнаго вѣдомства. Гдѣ же послѣ этого тѣ трудности, о которыхъ говоритъ г. Айвазовъ. Ему можетъ быть приходилось испытывать трудности при созданіи *удобствъ* для своихъ занятій, а не при *процессѣ добыванія* нужныхъ для него „матеріаловъ“. О трудности добыванія „матеріаловъ“ г. Айвазовъ могъ бы говорить въ томъ случаѣ, если бы ему пришлось встрѣчать препятствія къ самому доступу къ нимъ, какъ это напр. было съ Коноваловымъ, который, на основаніи заключенія г. синодальнаго оберъ-прокурора, не получилъ разрѣшенія даже на право изученія сектантскихъ дѣлъ въ Архивѣ, не говоримъ уже о льготахъ и удобствахъ.

Мы намѣренно нѣсколько подробнѣе остановились на внѣшнихъ условіяхъ работы г. Айвазова для того, чтобы нагляднѣе показать, что г. Айвазовъ могъ бы составить свой трудъ болѣе тщательнымъ образомъ, болѣе удовлетворительно съ точки зрѣнія не *строга-научныхъ* а просто научныхъ требованій. И если онъ этого не сдѣлалъ, то въ томъ повинно его неумѣніе, его неспособность къ подобной работѣ.

Доброжелатели г. Айвазова сравнивают его издание съ изданіемъ Н. И. Субботина. Сравненіе слишкомъ неосновательное для того, чтобы даже останавливаться на немъ. Если уже и можно сравнивать „матеріалы“ г. Айвазова, то только развѣ съ „матеріалами“, въ свое время опубликованными г. Мельниковымъ. Какъ тѣ, такъ и другіе составлены одинаково безтолково, и пользоваться ими не только для научныхъ изысканій, но и для практическихъ цѣлей, безъ надлежащей провѣрки, не всегда безопасно.

Н. Г. Высоцкій.